

Владимир Казаков

Время в долг

цикл: Лётчики (книга вторая)

Владимир Казаков

Время в долг

«Издательские решения»

Казаков В.

Время в долг / В. Казаков — «Издательские решения»,

Если рассказать в нескольких словах, о чём эта повесть, то это будет так — она о сильных, мужественных и чистых сердцем людях.

Содержание

Глава первая. Возвращение	6
Глава вторая. Авария	17
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Время в долг

Цикл «Лётчики». Книга вторая

Владимир Казаков

© Владимир Казаков, 2015

Редактор Елена Бессонова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Жене – Евгении Казаковой

Эту повесть написал мой дед – Казаков Владимир Борисович. Заслуженный лётчик испытатель, член Союза писателей СССР, автор 28 книг. Его уже нет с нами больше 10 лет. И все эти годы я и моя мама вспоминаем его добрым словом.

Теперь я тоже автор 12 книг написанных для детей и член Российского союза писателей. Пришло время собирать камни. Всему приходит свой срок, и важно, чтобы любое дело было сделано вовремя. Я попыталась заново отредактировать эту повесть, чтобы она ожила и по-прежнему была интересна современному читателю. Теперь я принимаю ответственность за написанное на себя.

Елена Бессонова

Глава первая. Возвращение

Весна. Это сразу почувствовал Борис Романовский, выйдя из вагона. Там, откуда он приехал, поселки тонули в снежной ночи. Холодом веяло от тускло мерцающих звезд, рассыпанных в темно-фиолетовом небе. Плотный снег прижимался ветрами к стенам притихших барачков. А то неожиданно вздыхал ветер, и разливалась, бушевала пурга.

Здесь чистое светозарное небо. Горьковатый запах распускающихся почек. Ноги ступают по мокрому асфальту перрона твердо и легко, без обычного напряжения в коленях, когда идешь по дороге, затянутой ледком. Ветер потихоньку раскачивает тощие, еще влажные после дождя деревья, и они рассыпают тысячи капель.

Может быть, потому так легко дышалось Романовскому, что Саратов был городом его юности? Самые светлые сказки о Небе родились для него когда-то здесь. Здесь, наблюдая жизнь неба, он представлял плывущие среди белых облаков бригантину. И когда серые и черные краски разлились над землей, угрюмо загудели моторы, тревожно засвистел ветер, пригибая к земле иссушенную зноем траву, запахло дымом, именно отсюда он ушел в первый боевой вылет, именно отсюда, где родилась и исчезла сказка, романтические бригантины его и друзей ушли в порт приписки с именем Юность.

Через полчаса Борис Романовский подъехал на автобусе к Саратовскому аэропорту. У аэровокзала, бывшей казармы военных планеристов, а теперь перестроенного и красиво оформленного плакатами здания, он поговорил с одним из встречных авиаторов, не спеша поднялся на второй этаж, прошел по коридору и открыл дверь с табличкой «авиаэскадрилья».

– Разрешите?

Ответа не последовало. Романовский, одернув китель, вошел. Посреди комнаты вытянулись узкие столы, покрытые целлулоидом, под которым лежали навигационные карты области с проложенными маршрутами, штурманские расчетные таблицы, схемы и графики. Красочная доска с фотографиями передовиков голубела бархатом. Здесь было все, чем похожи друг на друга, как близнецы, летные комнаты подразделений аэрофлота.

За отдельным столиком сидел дежурный пилот. Романовский увидел его сразу, но тот не хотел замечать вошедшего. Он склонил лобастую голову над книгой, и казалось, поднять ее можно, только взяв за редкий чуб. Романовский так и сделал. Пилот вскочил, поедая гостя серыми злыми глазами. После непродолжительного молчания, когда он осмотрел Романовского с ног до головы и гневные искорки под его белесыми бровями притухли, сказал лениво:

– Вы вежливо возвратили меня к исполнению служебных обязанностей. Благодарю! Но какого черта вам здесь надо?

– Командира эскадрильи Кроткого... Я не ошибся адресом?

– Зачем?.. Извольте отвечать.

– Приехал работать. Если, конечно, это доставит вам удовольствие! – улыбнулся Романовский.

– Деньги есть?.. Гроши есть, спрашиваю? Вопрос озадачил Романовского.

– Сколько вам?

– Не для меня. Для вас, – невозмутимо ответил пилот. – Пройдите в кассу аэровокзала, возьмите билет, сядьте в самолет и больше сюда не возвращайтесь.

Это чертова дыра, это скучный домик очень, очень старой и бездарной бабы-яги. Посмотрите на мою лысину, – пилот дернул себя за белесую жидкую прядь. – Часть волос можно найти на всех стоянках аэродрома, их выбил ветер от самолетного винта...

– Чем я заслужил такое чуткое отношение к моей персоне? – прервал ленивую тираду Романовский.

– Я вижу, вы не молоды. Но романтик! Определяю по фуражке флотского покроя, по солнцу пуговиц и еще не потухшему огоньку в глазах. Но романтику можно найти в безмолвии Севера и тэ дэ и тэ пэ, везде, только не на этой серенькой Среднерусской возвышенности. Здесь работа, работа, работа...

– До пота?

– Между прочим, носочки где брали? – И, не ожидая ответа, пилот махнул рукой: – Идите к командиру отряда. По коридору направо. Комэск там.

– Между прочим, – передразнил его Романовский, – на Севере я был.

– Тогда с удовольствием принимаю привет от белых медведиц, – безразлично ответил пилот и чинно опустил свое крупное тело на стул.

– А носочки? Уже не интересуют?

– Гражданин, не забывайтесь, я при исполнении. Пока!

Кабинет руководителя подразделения Романовский нашел по большой белой табличке с накладными латунными буквами «П. С. Терещенко – командир СО АО ПТУ ГВФ». В приемной секретаря не было, и он открыл вторую дверь, обитую коричневым дерматином.

– Можно?

– Да!

За длинным Т-образным столом сидело несколько человек в летной форме. Присмотревшись, Романовский обратился к полному мужчине в безукоризненно белой рубашке, отутюженном синем костюме с широкими золотыми нашивками на рукавах.

– Товарищ командир отряда! Пилот Романовский прибыл в ваше подразделение для продолжения работы в должности командира звена.

– Отлично. Знаю. Это к тебе, Кроткий. Пилот-инженер. Я не ошибся?

– Нет.

– Планерка окончена, товарищи. – Терещенко грузно поднялся. – По местам!

Кроткий подошел к Романовскому и обнял за плечи.

– С приездом, Боря! Извини, что не встретил, телеграмму вручили только что.

– Здравствуй, Михаил!

Протянул пухлую руку и Терещенко:

– Здравствуйте, Романовский. Кроткий введет вас в курс дела. Сейчас времени для проявления эмоций нет, двигайтесь в эскадрилью.

* * *

За штурманским столом молча сидели пилоты. Кроткий стоял, поглядывая на ручные часы, и щелкал по стеклу ногтем.

Романовский отмечал изменения в дородном облике своего давнего товарища. Со времени их последней встречи Кроткий потучнел, чуть-чуть отвисли красноватые обветренные щеки, в густой рыжей шевелюре от лба к правому уху пробилась темно-серебристая дорожка. Короткий нос, как и у юного Кроткого, продолжал лупиться, а взгляд маленьких глаз стал более тяжелым и властным.

В комнату вошел паренек в сером форменном костюме. Он старался казаться смущенным, но лихо сдвинутая на затылок мичманка, русый пушистый чуб под лаковым козырьком и подчеркнутая полоска шелковистых усиков над свежими губами, а особенно глаза, быстрые, с затаенной смешинкой, смазывали на нет показное смущение.

Кроткий опустил руку с часами.

– Ты опоздал, Туманов, на две минуты тридцать пять секунд. Тебя терпеливо ждали двадцать человек. Простое умножение показывает: ты похитил у нас час работы... Ясно?

– Проспал, товарищ командир, – тихо ответил Туманов, теребя розовое ухо.

– Ставлю тебя на самое короткое почтовое кольцо.

Это было своеобразным наказанием: короткий полет – малый дневной заработок. Движением руки Кроткий разрешил Туманову сесть и сам опустился в жесткое старомодное кресло, названное пилотами «королевским тронем». На протяжении последних лет дела в эскадрилье шли неважно, и командование сменяло комэсков довольно часто, так что Кроткий на этом «троне» восседал уже пятым. Он, майор запаса, требовал от аэрофлотовцев армейской дисциплины и порядка, что очень нравилось командованию и не особенно молодым летчикам.

– Чтобы не тянуть, товарищи, – Кроткий опять посмотрел на часы, – разбор вчерашних полетов проводить не буду. Летали в норме, без казусов. Я только представлю нового командира звена, прибывшего к нам. Прошу знакомиться: Романовский Борис Николаевич!

Романовский поднялся. Все с интересом разглядывали немолодого пилота. Когда он повернул голову, серебряно блеснули виски, подобная мета была почти у всех людей, переживших в авиации сороковые годы.

– Коротко о себе... Десять минут, не больше, Борис Николаевич.

– Родился в двадцать пятом году, в Белоруссии. Вот в этом здании, где мы сейчас сидим, находились общежитие и штаб военно-авиационной планерной школы десантных войск. Я и ваш командир Михаил Тарасович Кроткий – выпускники этого заведения. На планерах А-7 несколько раз десантировались в тыл врага к партизанам. Последняя операция чуть не стала для нас действительно последней. Мы подбросили окруженным десантникам боеприпасы и продовольствие и еле выбрались из вражеского кольца по болотам...

– Через Плюй-омут, – подсказал Корот.

– Потом переучились на истребители. Опять фронт. После войны – Север. На Севере ночи длинные, много нелетных дней, я использовал это скучное время для учебы: заочно одолел курс авиационного института и факультет журналистики в институте марксизма-ленинизма... И вот к вам, Очень захотелось поработать в городе своей юности... Все!

Пилоты разочарованно зашумели.

Встал Короткий, большой рот растянут в улыбке.

– Тихо! Борис Николаевич еще расскажет вам много интересного, а может, и напишет. А сейчас время дорого. Приземляйся, Борис. Действительно, с Борисом Николаевичем мы старые друзья. Хлебали из одного котелка, летали бок о бок, даже обожали одну дивчину! И ко всему сказанному, – маленькие глаза Кроткого затеплились, – я ему жизнью обязан...

– Обоюдно, Михаил Тарасович!

– Да ладно, Боря... К делу, товарищи. Заданий сегодня – навалом. Все, кто стоит в наряде по трассам левого берега Волги, оформляйте документы и – в путь. На правом берегу низкая облачность, местами туманы. Как только синоптики разродятся хорошей погодой, начнем работать в полную силу.

Пилоты зашевелились. Улетающие рассчитывали маршруты на линейках и ветрочетах, заправляли в планшеты карты. Остальные потянулись гуськом в коридор «на перекур». В комнате остались Романовский, Кроткий и дежурный пилот.

Кроткий обратился к нему, и в жестком голосе проскользнула нотка неуверенности:

– Тебе, Пробкин, придется еще поработать.

– Да, командир, восемнадцать минут.

– Часика четыре, Пробкин. Погода гнилая, а со стометровым минимумом всего два чело- века. Санавиация сегодня щедра на задания.

– Я отбарабанил сутки. Точка!

– Брось, Пробкин, ночью-то ты, наверняка, спал! Неужели у тебя хватит нахальства сорвать санитарный полет? Ты представь...

– Сами слетаете!

Кроткий не торопясь и обстоятельно начал доказывать, что сегодня каждый хороший пилот на счету, что еще вчерашние задания не выполнены и, если не улучшится погода, эскадрилья «пустит пузыри».

– Дошло до тебя? – закончил он.

– Вполне... До меня дошло, что завтра можно уйти с работы на полчаса раньше, так как сегодня вы задержали меня своей проповедью именно на это время.

Квадратный подбородок Кроткого дрогнул, и он тяжелым кулаком ударил по столу.

А Пробкин только развел руками:

– Кодекс законов о труде надо чтить, товарищ командир не менее, чем уголовный.

Кроткий тяжело задышал:

– Встать! Встать, бисов сын!

Пробкин демонстративно положил ногу на ногу.

– Дрючком бы тебя перетянуть по переноске! Отстраняю от полетов на неделю!

– За что?

– По кзоту твоему! Иди жалься... топай, топай!

Пробкин пожал плечами, встал и вышел, а Кроткий повернулся к Романовскому, выдернул дрожащими пальцами папиросу из пачки, закурил:

– Видал ферта?.. Классный пилот, а баламут! Вечно недоволен, морщится, пререкается.

В армии я бы ему десять суток гауптвахты вклеил за язык, а тут... И думаешь, куда спешит? На перрон! Встречать из Адлера свою куклу – стюардессу, нести ее чемоданчик!

– Ты не имел права отстранять его от полетов.

На минуту воцарилось неловкое молчание. Кроткий сделал несколько быстрых затяжек и вдавил папиросу в пепельницу.

– Есть же предел терпению!.. Страшно устаю с такими, – вздохнул он. – Трудно работать. Народу не хватает. Летаем, как заведённые, от восхода до заката. Домой пожать съездить некогда! А что стоит мне держать в руках этих пацанов? Сейчас все грамотные, все законы знают. А сюсюкаться, уговаривать я не привык... Втягивайся в работу, Боря. Поможешь?

– Я заметил, ты стал чисто говорить по-русски, когда не волнуешься.

– Ты, что ли, один академии кончал... Где остановился?

– Я тут, вещи в камере хранения.

– Квартиру организуем, а сегодня ночуешь у меня. Познакомлю с семейством, да нам с тобой есть о чем побалакать.

– Рад буду.

Романовский вышел в коридор. Синеватый папиросный дым стлался под потолком, лениво втягиваясь в открытую форточку окна. У подоконника стояли группкой пилоты. По их возбужденным голосам он понял, что разговор затрагивает всех. Поэтому они и сгрудились вокруг Пробкина, круглая белесая голова которого возвышалась в середине. Против него в независимой позе стоял Василий Туманов.

– Так, значит, пройдешь? – иронически спрашивал Пробкин.

– Пройду! – упрямо твердил Туманов.

Романовский подошел ближе и тоже задымил сигаретой.

– Видимость ноль, облака прилипли к земле, а наш Василек героически пробивается с почтой к благодарным подписчикам газет и журналов! – резюмировал Пробкин.

– С почтой, может быть, не пойду, а к больному...

– Так, так! А что говорит по этому случаю Наставление, товарищ Борщ? – обернулся Пробкин к высокому ушастиному пареньку, безразлично глядевшему в окно.

– Параграф сто третий Наставления по производству полетов гласит: если погода ниже установленного для трассы минимума или ниже личного минимума пилота, пилот обязан пре-

кратить выполнение задания и вернуться на базу или проследовать на запасной аэродром! – без запинки последовал ответ.

Пробкин поднял палец.

– Во! Устами отличника Аэрофлота всегда глаголет истина. А ты... – он повернул Туманова к окну. – Кто он, ребята?

– Ин-дюк! – прозвучало неожиданно громко и стройно.

– Почему индюк? – растерянно спросил Туманов. Дружный смех не мог заглушить чей-то звенящий голос из угла:

– Индюк – птица задиристая, горластая, а летать не умеет!

Туманов потер лоб и угрюмо глянул на Пробкина.

– Так, значит, ты, Семен, не полетишь в плохую погоду, если нужно оказать помощь человеку? А совесть?

– По моральным вопросам авторитет у нас тоже Илья Борщ. Выдай ему, Илюша.

– При погоде, мешающей полетам, санитарная авиация за жизнь больного не отвечает, – бесстрастно, будто диктовал, произнес ушастый паренек и вдруг взорвался: – Чего ты из себя корчишь, Туманов? Без году неделя пилотское получил, а туда же, в асы! Наставление ревизуешь!

– Страшно ярый ревизионист наш Василек! – вставил Пробкин.

– За что агитируешь? – не унимался Борщ. – Жить надоело? Худой пример другим подаешь!

– Точно! Он демагог... и как там еще, Илюша?

– Опасное настроение у тебя! – Борщ внушительно засунул руку за борт пиджака и шагнул к Туманову. – Придется разобраться... Нужно проверить тебя в моральном аспекте...

Романовский с удовольствием смотрел на ребят. Таких же он видел на фронте с сорок второго по сорок пятый год. Таких и немного не похожих. Эти одинаково молодые, одинаково живые и непосредственные, эрудированные, одетые в одинаковую красивую форму. В лицах и жестах что-то орлиное, показное, бравуруют, хоть и маленьким, опытом. А в облике его фронтовых товарищей не было ничего броского.. Разговоры велись обыкновенно будничные. Но у одного из широкого кармана летного комбинезона торчала книга, и он, наверное, после тяжелого боевого дня не сразу падал на кровать, а долго сидел у копящего фонаря в аэродромной землянке. У другого на поясе болтался кинжал с резной рукояткой – собственное творение! Рядом с третьим всегда вертелся мокроносый щенок. Перед вылетом чертенки карабкались в пилотскую кабину и, забившись за бронеспинку, тряся от страха, «орошал» шпангоуты, но не хотел расставаться с хозяином... А этих ребят Романовский почти не различал, характеры их для него, командира, пока были тайной. Но все равно что-то роднило их с его фронтовыми друзьями, какой-то на первый взгляд малозаметный след соединял поколения, след не в виде мозолей на руках или угольной пыли, вкрапленной в кожу, а профессиональный, оставивший еще не глубокие, но уже вечные заметы в сердцах парней. Надо узнать каждого в отдельности. Вот хотя бы Туманов, «Василек», нежный, как девочка, а ведь случись, полезет в пекло. А Пробкин, лидер, заводила, демагог, по Короткому? Адлеровский самолет уже прилетел, а он не торопится, хотя и бросает тревожные взгляды в окно. Пожалуй, сегодня он не скоро уйдет с работы...

Романовский выронил обжегшую пальцы сигарету, затоптал окурки и вернулся к Короткому.

* * *

Кроткий повез Романовского на своей «Волге». Последний раз в Саратове Романовский был в конце сорок четвертого года, получал на заводе самолеты – истребители. В его памяти

сохранились грязные улицы, дребезжащие трамваи с окнами, заклеенными полосками бумаги, невзрачные дома. Прохожих было мало, и все они, одетые в темное, куда-то спешили. А сейчас «Волга» шуршала по гладкому асфальту, по обочинам – липы, тополя. За живой изгородью высились новостройки.

– Как звать твою жену, Миша?

– Марфа. Марфа Петровна.

– Неужели та ясноглазая Марфинька из «Красной нови»?

– Та Марфинька из деревни, – угрюмо повторил Кроткий и заволновался, указывая на пацана, скатывающего с пригорка на шоссе булыжник: – Смотри!.. Оболтус!

Романовский почувствовал, как тело расслабилось, пожалуй, впервые за время пребывания в Саратове. И понял причину. Больше всего он боялся услышать от Кроткого имя той, которую любили оба.

* * *

...Зимой 1944 года они прибыли из учебного подразделения в боевой полк. Впервые пришли на аэродром и увидели связной самолет, «бреющий» верхушки деревьев. Не делая круга, он лихо произвел посадку и, подпрыгивая на снежных перекатах, резво подрул к стоянке. Остановился винт. Пилот поднял на лоб очки и снял шлем.

Кроткий толкнул Бориса в бок:

– Дива!

Девушка поправила густые, слегка растрепанные и заиндевевшие волосы, широко расставленными синими-синими глазами посмотрела на летчиков. У нее было круглое лицо, приподнятые узкие брови. Мимолетная усмешка тронула полные губы, и на щеках появились ямочки.

– Дюже гарна-а! – многозначительно протянул Короткий.

А когда девушка уперлась руками в борт кабины, приподнялась, Борис прыгнул на крыло и схватился за лямки ее парашюта.

– Разрешите? Девушка отвела его руку.

– Мне поможет механик.

Борис отступил, а между ним и кабиной протиснулся Короткий. Он уверенно расстегнул замок ее парашюта, снял с плеч лямки и помог вылезти из кабины. Уже на земле представился:

– Гвардии лейтенант Короткий. Миша.

– Сержант Романова Екатерина Михайловна, – в тон ему ответила девушка. – Спасибо, лейтенант Миша!

Ветер огрубил кожу ее лица, выделил белыми ниточками морщинки у глаз. Грузноватая в тяжелом меховом комбинезоне Катя с трудом двигалась почти мужской походкой. Борис смотрел вслед, и ему захотелось, чтобы она оглянулась. Он упорно не отводил взгляда от ее спины, прочерченной наискосок тонким ремешком планшета. И девушка повернула голову, но посмотрела мимо него на Кроткого.

А вечером, когда они вернулись с ужина в свою землянку, Кроткий вдруг сказал:

– Женюсь я, Боря! Пока ты крутил гаечки с механиками, я договорился с донечкой о свиданке. Послухай, пойдешь сватом? Как гутарил какой-то ученый: «Женюсь младенцем!»

– Ты о той девушке?

– О ней, Боря! Огневая дивчина! Дай бритву, соскоблю кабанячу щетину – и к ней.

– Только не ученый, а писатель Марк Твен говорил нечего, похожее на твое изречение: «Если бы я мог начать жить сначала, то женился бы во младенческом возрасте вместо того, чтобы терять время на прорезание зубов и битье посуды...»

* * *

– Вот и приехали, – сказал Короткий, притормаживая машину у большого каменного дома и трижды нажимая клаксон.

На крыльце их встретила полная маленькая женщина с редкими черными волосами, зачесанными на прямой рядок. Лицо белое, слегка тяжеловатое, на нем резко выделялись глаза, похожие на крупные сливы, и в них темный омут затаенной печали. Серый жакет сильно растянулся на высокой груди.

– Здравствуйте! Прошу в дом!

– Обед готов, мать?

– Все на столе. Миша... Познакомил бы с гостем.

– Ха! Не узнала Борьку. Да ты ж под его гитарку каблук сломала, помнишь, мы рыть картоху к вам в село приезжали?

– Здоровы ли, Борис...

– ...Николаевич. Рад вас видеть, Марфа Петровна!

– Я тоже! – она протянула Романовскому жестковатую ладонь.

Вскоре все сидели в гостиной за столом, на котором не было только птичьего молока. Романовский ждал расспросов, но, видно, в этом доме было заведено обедать молча – Кроткий резко одернул жену, попытавшуюся завести разговор. После этого она как-то сникла и вяло ковыряла вилкой остывающую котлету. Когда Романовский допил грушевый компот, Кроткий встал.

– Извини, мать, Борис устал, и нам нужно с ним поговорить. – Он показал Романовскому на дверь другой комнаты.

Если в гостиной стояла тяжелая полированная мебель, стены были залеплены вышивками, а большая горка забита фарфоровой и хрустальной посудой, то другая комната отличалась спартанской простотой.

– Мой кабинет. Теперь, считай, твоя пещера, Борис.

Некрашенные полки с книгами, грубо сработанный стол и табуретка, жесткий диван, покрытая байковым одеялом и аккуратно заправленная солдатская кровать. На стеке – политическая карта Советского Союза, а над ней – большая фотография в рамке, обмотанной черным крепом. Романовский шагнул к снимку. Катя!.. Она стояла на крыле истребителя в парашюте и смотрела на Романовского, приветствуя поднятой рукой. На борту истребителя чернели пять звезд. Четыре самолета она сбила потом. А первый...

* * *

Тогда выдалась непогодь – день передышки. Гонимые порывистым ветром облака цеплялись за верхушки деревьев, оставляя туманные клочья в лесу. Мороз превращал их в сероватую дымку. Борис и Катя медленно шли к самолетному кладбищу. Борис украдкой поглядывал на девушку.

На опушке леса лежали разбитые и полусгоревшие американские самолеты «тамагаук», валялось несколько ржавых моторов «аллисон». Между толстыми дубками застрял каркас английского истребителя «харрикейн». Не верилось, что эти изогнутые, рваные полосы железа и дюраля были когда-то красивыми и злобными машинами, что ржавые трубы, торчащие из обугленных крыльев, были грозными пулеметами.

На пути к лесу Катя чересчур внимательно рассматривала аварийные самолеты, хотя знала печальную историю каждой машины, и это подчеркнутое внимание настораживало Бориса. Он чувствовал – предстоял неприятный разговор.

Лес встретил их снежной осыпью с веток. Снег, синеватый и твердый, как морская соль, похрустывал под ногами. Катя села на поваленный ствол дерева. Рядом опустился Борис.

– Как я летаю? – спросила негромко девушка.

– Для истребителя у тебя неплохие данные.

– Как стреляю?

– В ворону попадешь.

– Я без шуточек спрашиваю! – оборвала Катя.

– Нормально.

– Тогда я не буду больше летать твоей ведомой, Романовский!

– Категорично.

– Много заботы проявляешь! Пора говорить откровенно. Кто я тебе? Жена, сестра, дочь? Любовница? Личный повар?.. Ну, кто?

Борис мял пальцами желтый дубовый лист. К сожалению, именно этого разговора он ждал. Надо отвечать. А что? Не говорить же про строгий приказ командира полка майора Дроботова опекать ее в бою. «Я разрешил Романовой переучиться на истребитель, но это не значит, что я послал ее на смерть!» И ей позволяли выходить в атаку только в самых благоприятных случаях, но когда Катя ловила в прицел врага, он уже вспыхивал от чьей-нибудь пули. Чаще всего это были выстрелы майора или его, Бориса.

– Ты нянчишь меня в бою! Что я, младенец? – доносился неприязненный голос. – Чем хуже других? Мало опыта? Нет совсем? Придет! Подумаешь, асы! Сам-то на фронте без году неделя, а уже сбил двух. Не буду я с тобой летать! Точка!

Лист между пальцами Бориса стерся в порошок.

– Ты видела, с кем имеем дело? Война идет к закату, а они зубами держатся за каждую пядь неба. Драться с этой нелюдью надо умеючи.

– Не пугай!

– Остынь, Катюша!

– Я тебе не Катюша! У меня есть звание и фамилия, товарищ Романовский!

Борис встал, засунул руки в карманы, вздохнул, пытаясь унять раздражение.

– Ладно! Если моя забота обижает вас, сержант Романова, я буду говорить как командир. Вы еще девчонка! Строптивая, честолюбивая, избалованная и невыдержанная. Рветесь открыть боевой счет, а сами не прошли как следует курс молодого бойца.

Катя резко повернулась к нему и тоже встала, но глядела в сторону.

– Да, не прошли! У вас нет страха – значит, вы не научились его преодолевать. На такого бойца можно полагаться только до случая. Не перечьте!.. Я мог бы привести массу примеров становления воли, я сам не раз был в шкуре труса и знаю, как человек может потерять себя. Вы неуверенно ходите в строю. Вы не чувствуете машину, с ошибками определяете дистанцию. Впредь прошу без истерик! – Раздражение его проходило. – Завтра вылетаем на свободную охоту!

– Не разрешат, Боря.

– Сержант Романова!

– Извините, товарищ лейтенант.

– О полете беспокоюсь я!.. Как только увижу, что вы овладели техникой боя, – отступлюсь. Тогда самостоятельно защищайте свой павлиний хвост. А пока терпите, сержант.

Взгляд Кати, до этого упрямый и злой, потеплел. Разгладились складочки меж бровей. Она шагнула к Борису и застегнула ему пуговицу на воротнике гимнастерки.

– Нарушаете форму, товарищ командир.

Борис взял ее за руку. Она протянула другую. Так они стояли несколько мгновений, не глядя друг на друга. Борис пальцем чувствовал, как часто бьется нежная жилка на ее

запястье, ему хотелось наклониться и прижаться губами к теплой пульсирующей жилке. Не было сил противостоять желанию. И она, наверное, увидела это по его лицу.

– Майор отпустил меня сегодня к Михаилу в госпиталь, – поспешно сказала она, освобождая руки. – Знал бы ты, как я хочу на свободную охоту!

– Передай Кроткому от меня привет, – грустно сказал Борис.

Катя приложила пальцы к ушанке, раскинув руки, покрутилась на месте и побежала...

На другой день они перехватили двухмоторный бомбардировщик.

– Атакуй! – приказал Борис.

Катя бросила истребитель в пикирование и из крыльевых пулеметов выпустила две длинные очереди. Обе прошли выше цели. Экипаж бомбардировщика, напуганный внезапным нападением, стал маневрировать. Бортовые стрелки открыли огонь. Борис сразу же отогнал «ведомую» назад.

– Я срублю его со второго захода! – азартно кричала по радио Катя.

– Отойди подальше и смотри. Ты стреляла с большого расстояния, промазала и растеряла преимущества внезапности, – спокойно ответил он. – Захожу в атаку. Следи за мной.

Катя видела, как он, сближаясь с врагом, перемещал истребитель из стороны в сторону переменным скольжением с одного на другое крыло, уклоняясь от прицельного огня пулеметов.

Раньше Борис так близко не подходил. Даже когда бросают в лицо смятую бумажку, человек пытается отклониться, а тут летела – и казалось, каждая пуля в грудь! – раскаленная сталь. Вот уже дрогнул от удара хвост, и мгновенно прошедшая судорога фюзеляжа передалась летчику и окаменила спину – он застыл прямо, слегка выпятив грудь. Сейчас надо было выдержать марку. Промах – позор! Если промахнется на глазах у Кати или отвернет, не выдержав напряжения, лучше уж добровольно в штопор и... под землю! Катя сократила дистанцию и следовала за ним, как привязанная. Он увидел ее самолет боковым зрением, отгонять «ведомую» было поздно, да и радовала почему-то ее близость в эту минуту. Счастливая улыбка приподняла уголки белых губ, и он почти в упор выпустил короткую строку из синхронного пулемета – верхний стрелок замолчал. Теперь сверху бомбардировщика образовалось «мертвое пространство», горб его был не защищен. Немецкий пилот перекалывал тяжелую машину из крена в крен, стремился к земле.

– Выходи вперед и бей сверху по левому двигуну!

Мимо Бориса скользнул истребитель Кати.

– Не спеши. Он проваливается, и ты не зацепи земли. Хватит, хватит! Бей! Ну бей же, чертова кукла!

На концах стволов ослепительные пучки огня. Пули впились в широкое крыло, в капот двигателя, рванули металл – и будто железные цветы распустились на крыле бомбардировщика. А из цветов вытягивались и распылялись струйки бензина.

– Молодец! – весело закричал Борис. – Бей по второму!

Громоздкий коричневый «Хейнкель-111», угрюмо воя, метался над рекой. Еще одна пушечная очередь – из правого мотора вырвался сноп пламени, переметнулся на другое крыло, огонь захлестнул кабину. Самолет накренился, медленно, нехотя поднял застекленный нос, задел хвостом за крутой берег и рухнул в воду. Грибообразный столб пара и дыма повис над рекой.

Истребители, сделав круг и помахав друг другу крыльями, взяли курс на аэродром.

– А ты лучше, чем я думала, лейтенант! – послышался озорной голосок. – Убедился, что я не чертова кукла?

Через несколько минут майор Дроботов слушал доклад ликующей Кати.

– Отличное начало! – пожал он обоим летчикам руки. – От души поздравляю! Если бы не фотокаточки, наградил бы тебя, Катюша, вот этим талисманом.

Он показал искусно сделанный из плексигласа медальон с тонкой резьбой. В одну крышку был врезан его портрет, в другую – портрет трехлетнего мальчика.

– Механик подарил. Отправлю своему Сеньке с оказией. От нас забирают Ли-2 для перегонки в Ленинград.

– А что, получили письмо, знаете адрес?

– Пошлю по старому... Может, найдут там... Через несколько дней возвращается из госпиталя Кроткий, назначу к нему тебя ведомой, Катя. Рада? – лукаво взглянул на нее майор.

Она растерянно посмотрела на Бориса. Майор перехватил взгляд.

– Ты же сама просила?.. Все решено! Романовский мне самому нужен.

Катя взяла Бориса за руку и сразу, будто опомнившись, отдернула ладонь...

* * *

– Боря... Боря! – Кроткий тронул замершего у портрета Романовского. – Погибла в Крыму. Два против шести. У нее кончился боекомплект. Машина ведущего взорвалась на глазах. Ее взяли в клещи, и она пошла на таран... На верхнем плато Чатырдага, где в тот день упали обломки ее самолета, сложен памятник из белых гранитных камней... Был там прошлый год... – Кроткий потянул галстук и расстегнул ворот рубашки. – Твою гитарку она возила с собой в гаргроте.¹

Романовский осторожно притронулся пальцами к фотографии и посмотрел на Кроткого. Тот отвернулся, сказал:

– Увеличили с газетного снимка. Портрет отдам. У тебя больше на него прав. Да и в доме прекратится из-за Кати холодная война, Марфа пыталась снять фотографию дважды... – Кроткий смотрел на Романовского и уже с трудом различал черты его лица – на дворе темнело. – Расскажи о себе?

– ...Я был в штрафном батальоне. В марте сорок пятого ранили. Стал чистым. Просился в авиацию, но... войну пришлось кончать в пехоте. Несмотря на рекомендации генерала Смирнова, с которым я случайно встретился в одном из штабов.

– Помню, помню! – оживился Кроткий – Я был в дивизионном госпитале. Приходил генерал. Расспрашивал. Я дал тебе блестящую характеристику. Не помогло?

– Штрафник же я был, Миша.

– А старые заслуги не зачет?

– Много по этому поводу думал и пришел к выводу: все шло правильно. Маловато стоил я тогда, хлипкая все-таки была станковая жила у летчика Борьки Романовского. Да ладно...

Несколько раз вспыхнули и погасли светлячки на концах сигарет.

– А дальше? – нетерпеливо спросил Кроткий.

В гостиной слышались голоса.

– Дочка пришла. Светка со своим усатым Васей-васильком. Рассказывай, Боря!

– Прилечь можно?

– Обязательно! Мне, дураку, и невдомек, что ты прямо с поезда. Давай на койку... Не снимай ботинки, я стул подставлю. Вот так удобно?

Кроткий отошел, загородив громоздкой фигурой окно.

– Ты получал мои письма, Михаил? – спросил Романовский.

– Только одно, где ты писал о переводе к нам.

– Странно, – задумчиво проговорил Романовский.

Кроткий поспешно вышел из комнаты и через несколько минут принес постель на диван. Укладываясь спать, Романовский сказал:

---

¹ Гаргрот – это обтекающий элемент фюзеляжа самолета (ракеты)

- Восемь писем, значит, до тебя не дошли. В них я спрашивал, знаешь ли ты что-нибудь о семье майора Дроботова?
- Зачем тебе?
- После войны генерал Смирнов помог мне все же устроиться пилотом в Симбирское управление ГВФ. Нелетной погоды там хватает, и я в свободное от полетов время занимался поисками родных майора через милицию. Удалось установить, что детский сад, где был сынишка Дроботова, из Ленинграда эвакуировали сюда, в Саратов.
- Зря бередишь старые раны. Сыну Дроботова сейчас не меньше двадцати лет...
- Двадцать три.
- Ну вот. Он наверняка преспокойно здравствует, не ведая печалей, а ты хочешь смуту в его душу внести.
- Отца-то он должен знать... Справлялся я: с фамилией Дроботов мальчика на детские эвакупункты города не поступало.
- Видишь!.. Ты из-за этого и перевелся к нам?
- Евсеича помнишь?.. Ну, я вам рассказывал о старике-партизане, который вытащил меня из деревни, занятой немцами, и помог найти партизанский отряд? Что, первое десантирование на планерах в тыл забыл?
- Да помню я, помню, хотя деда твоего и не видел.
- Нашел я его после войны. Жили в Сибири я, он и мама. Мама умерла от крупозного воспаления легких, потом дед от ран и старости. А чего я там один-то? Потянул немного, закончил институт и сюда. У бобыля везде дом.
- А журналистику свою зачем кончал? Писакой хочешь быть?
- Просто интересно.
- А вот мои университеты, как и у Горького, – жизнь. И ничего, зарабатываю побольше некоторых ученых, и почета хватает.
- Скромник ты, Миша. Скромник... Ну что, спим?
- О Володьке Донскове слышал что-нибудь?
- Переписываемся. Испытателем летает в пустыне. Отбой, отбой, Михаил, глаза слипаются.

Глава вторая. Авария

Семен Пробкин, громко топая по коридору, торопился в эскадрилью. До вылета остались считанные минуты. «Чертов будильник! Завтра же куплю новый!» Когда он раскрыл дверь, в комнате уже никого не было, даже дежурный пилот ушел на аэродром.

Заполняя графы полетного листа, Семен делал ошибки, ставил кляксы, комкал и бросал на стол бумагу. Наконец «задание на полет» приняло надлежащий вид, и он, торопливо засовывая его в планшет, увидел вошедшего парторга Аракеляна.

– Уходите? – мягко спросил тот.

– Бегу как лань, гонимая тайфуном.

– А почему не убрали скомканные бумаги со стола? Кому-то на этом месте сегодня придется работать.

– У меня буквально минуты, уважаемый товарищ парторг!

– Убрать недолго.

– Это вам недолго – закрыл рот, и рабочее место убрано, – проворчал Семен.

Аракелян укоризненно смотрел на пилота.

– Можете идти, Семен Кириллович, я приберу за вами, – сказал он и потянулся за одной из бумажек.

Семен посмотрел на пустой рукав парторга, аккуратно засунутый в карман пиджака, и быстро убрал со стола скомканные листы, рассовав их по своим карманам.

– Все?

– Дыхание перед взлетом сбивать не рекомендую. У подъезда стоит автомашина командира отряда, скажите шоферу, что я велел подвезти вас на аэродром.

– Спасибо, Сурен Карапетович, – скупое улыбнулся Семен.

Минута в минуту «Супер-Аэро-45» пробежал по взлетной полосе, круто взмыл и, слегка накренившись, начал делать контрольный круг над Саратовом.

Волга укрыла город прозрачной дымкой, а полукольцо гор оберегало голубоватую тишь от резких ветров. Кое-где еще мерцали огоньки: зеленые – на тонких железнодорожных нитках и светофорах шоссе Дружбы, желтые – на застывших стрелах подъемных кранов Ленинского района. Над Клиническим поселком сверкала рубиновыми огнями телевизионная вышка. Выползли из гаражей трудяги-автомобили. Важно проплыл рогатый троллейбус, роняя снопы искр со стыков проводов. От стенки речного порта оттолкнулся первый водный трамвайчик. И хотя, кроме ярких огней телевышки, все остальные цвета были блеклыми, красиво смотрелось медленное пробуждение города. И в воздухе пахло ночными озерами.

Семен задумчиво смотрел вниз, сжав губами мундштук потухшей сигареты. Сегодня ему было почему-то особенно грустно. Может быть, потому, что немного проспал и не успел проводить Марию в рейс. Или потому, что нагрубил Аракеляну, которого уважал. Раздумывая в одиночестве, он часто ругал себя за неживучивый характер, корил за обиды, нанесенные товарищам колючим, часто несправедливым словом. Клятвенно обещал себе «законсервировать» язык, но приходил на работу и... вот опять пренеприятный разговор с Аракеляном.

Пакостное настроение он всегда исправлял стихами: любил читать их и «втихаря» немного пописывал сам. Каждый пилот, приросший душой к своей профессии, немного грешник – немного поэт. Он видит много, и все ему кажется красивее и необычнее, чем человеку земного дела. Работа дарит ему встречи со многими-многими разными людьми, создает ситуации, из которых не всегда можно запросто выйти. Или вот, например, чья-то рука – не той ли курносой прибористки? – закрепила шплинтом у тахометра веточку липы с набухающими почками.

Семен прислонился лбом к стеклу кабины и уже веселыми глазами разыскивал дом Марии среди кургузых особнячков Горной улицы. Он покачал ручку управления – самолет колыхнул крыльями и встал на заданный курс...

А через три часа, когда изменчивая майская погода натянула глыбы облаков на Саратов, по той же трассе вылетел Вася Туманов.

Он летел вдоль кромки серой, закрывшей полнеба грозовой тучи. От нее тянулись к земле широкие серые полосы дождя. Одна из таких полос неожиданно встала перед самолетом. «Супер» нырнул в темь. По стеклам кабины торопливо побежали крохотные ручейки, миг набрали силу, и вода, скрученная самолетными винтами в матовые жгуты, обрушилась на лобовые стекла. Несколько минут самолет мягко рубил дюралевыми лопастями дождевой заслон. И вдруг ослепительный свет хлынул в кабину. Из тревожного полумрака Вася мгновенно вернулся в залитый солнцем поднебесный мир. Где-то позади осталась косматая туча, впереди по курсу – беспредельная синева и видимость такая, что можно разглядеть тропинку в испуанной степи.

Он повел глазами: посадочная площадка с ветроуказателем «зебра»; поселок, зажавший стандартными домиками узкую сивую речушку; белая каменная больница на зеленом косогоре и... недалеко от больницы лежит на животе красно-белый самолет... Кто? Неужели Семен?

«Вернулся от Маши в два часа ночи. До трех горел свет в общежитии – что-то писал. Не выспался. Может быть, выпил еще? Да нет, не прошел бы тогда медицинский контроль... Не справился с расчетом на посадку, „промазал“, поломал шасси. У-ух и набросают же ему дынь в кошель!.. Это не Сема, не Сема, не Сема!» – Вася развернулся и низко пролетел над больницей, высунув нос в форточку. Рассмотрел и аж зажмурился от огорчения: да, это был «Супер-Аэро» Семена Пробкина. Новенькое чехословацкое аэротакси, которое Кроткий доверял только Пробкину, уткнулось моторами в большую лужу. Погнутые лопасти винтов тускло отражали солнце, полосато бликовали. Под открытым колпаком, на борту кабины, спустив ноги на крыло, притулился Семен. Он не поднял головы, не посмотрел на пролетающий самолет.

Вася Туманов приземлился на площадке, выключил двигатели и быстро вылез из кабины. Передав коменданту площадки сопроводительную ведомость на почту, кинулся со всех ног через поле напрямик к Семену.

– А, индюк, – без выражения сказал Семен, лениво обмахивая ладонью разгоряченное, потное Васино лицо. – У тебя в усах солома.

– Тут... еще... надо... разобраться, кто индюк! Что случилось? Обрезал двигатель? Не хватило горючего? Ну?

Семен облокотился на козырек кабины, положил на ладонь голову и негромко:

– Как тебе хочется, чтобы я был невиновен. Спасибо! Ты настоящий друг. Ведь недаром мы с тобой столько лет корешевали в детдоме. Дай я все-таки соломку из у тебя из уса вытащу... Извини, что разыгрывал вчера...

– Короче можно? Что случилось?

– Понимаешь... лечу, и вдруг... шаровая молния! Маленькая такая, кругленькая – белый-белый арбузик без хвостика! Бац по винтам – те завяли! Трах по колесам – скрючились! Шмяк по...

– Скажешь или нет?

– Обязательно. Слушай: взлетай к облакам и дай с борта радиограмму, пусть везут винты и подъемник.

– Рыжий король с тебя голову снимет!

– На это могу ответить вполне интеллигентно: плевать!

* * *

Лента с текстом радиogramмы пестрой змейкой лежала перед командиром отряда Терещенко. Барабня пальцами по сукну канцелярского стола и изредка поворачивая полное лицо в сторону Аракеляна, он посматривал на него серыми выпуклыми глазами, жевал нижнюю губу.

– Тот самый? Баснописец? – наконец вырвалось у него. – Что посоветуете, дорогой Сурен Карапетович? Сообщать?

– Сначала разобраться в деталях.

– Плохо запоминаете указания сверху: о самом мелком летном происшествии докладывать немедленно.

– Когда обстоятельства ясны.

– Я их наперед знаю! Стаж – четверть века! Почему нет Кроткого и командир звена... кажется, Романовский?

– Да, Борис Николаевич Романовский. Сейчас будут... да вот и они! – указал Аракелян на входящих в кабинет.

– Садитесь, аварийщики! Проспали ЧП! Информировать, Кроткий. Да покороче: время – километры!

Романовский опустил на диван рядом с Аракеляном, Кроткий остановился перед командиром отряда.

– Пилот Пробкин выполнял санитарное задание на самолете 1212. На полпути к городу больной почувствовал себя плохо. Увидев это, пилот принял решение сесть у ближайшей сельской больницы.

– Врач не просил его? – поинтересовался Аракелян.

– Он не имеет права командовать пилотом! – ответил командир отряда за Кроткого и кивнул ему: – Продолжайте!

– Площадка была в километре, максимум полтора километрах от больницы, но Пробкин принял идиотское решение и сел на поле с убраным шасси. Приземлился почти у ворот больницы. Результат: погнуты оба винта, деформированы мотогондолы, глубокие царапины на днище фюзеляжа.

– Ваше мнение?

– Раньше я не замечал за Пробкиным недисциплинированности в воздухе и доверял ему самые сложные полеты, хотя на земле он не был ангелом. Случай дикий, и я считаю, наказание должно быть строгим.

– М-да-а! – Терещенко покосился на Аракеляна.

– И план, товарищ командир! – воскликнул Корот. – Ведь проремонтируют долго, а без этого самолета я завалю месячный план... Может быть, пересмотрите в сторону уменьшения?

– А шиша не хотите?... Так-то вот! Что предлагаете по Пробкину?

– Отстранить на месяц от полетов и заставить его оплатить ремонт.

– Вы демократ, Кроткий. За такие штучки из авиации выбрасывают в ассенизаторы. – Терещенко вынул из кармана авторучку и придвинул к себе лист бумаги. – А как ты думаешь, Романовский? Как расцениваешь происшествие? От нового человека хочется услышать дельное слово.

– Еще не составил мнения.

– Что? Не согласен с комэском?

– Товарищ командир отряда, – четко выговаривал каждое слово Романовский, – к Кроткому вы обращаетесь, как положено, почему ко мне на «ты»?

Кроткий резко повернулся к командиру звена, хотел что-то сказать, но так и остался с полукрытым ртом. Аракелян подносил зажженную спичку к папиросе – спичка догорела в пальцах. Полное лицо Терещенко медленно налилось багровой краской, и он начал жевать нижнюю губу.

– А с выводами, от которых зависит судьба человека, жизнь научила меня не торопиться, – досказал Романовский.

Терещенко давно казалось, что он перестал удивляться всему в людских отношениях. Были случаи, когда мотористы или грузчики самолетов бросали ему непечатное слово прямо в лицо, в момент «плановой запарки» это случалось нередко. Он не обижался. Если же и задевало его грубое словцо, старался не показать вида – эти люди были «низкооплачиваемым дефицитом», могли в любое время бросить работу даже без заявления об уходе. Бывало, когда начальство не стеснялось в интонациях, и в первое время Терещенко переживал унижение, с годами по привычке, и брань на него действовала только как хлыст на лошадь. Но вот чтобы «среднее звено», довольно высокооплачиваемое, дорожащее местом и поэтому уязвимое, взбрыкивало по пустякам, из-за тона или не пришедшего по вкусу местоимения, Терещенко понять не мог, слова Романовского застали его врасплох, насторожили.

– Садитесь! – Терещенко поднял грузное тело из-за стола. – За непочтительность не обесудьте. Я почему-то всегда считал, что обращение на «ты» сближает людей. Но воля ваша!.. Кроткий, Пробкина привезли?

– Так точно!

– Пригласите.

Кроткий вышел из кабинета и вернулся с Семеном.

– Расскажите, товарищ Пробкин, что произошло? – Терещенко, когда хотел, умел говорить мягко и уважительно.

– Вы все знаете и решение приняли.

– Оно будет зависеть от ваших доводов.

– Командир эскадрильи посоветовал мне приготовить деньги на ремонт.

– А вы не согласны?

– Зарабатываю больше, чем пропиваю, – выплачу.

– И все-таки почему приняли решение сесть у больницы? – спросил Аракелян.

– Больной, которого я вез, симпатичный старикан. Он уже хрипел... Мне почему-то захотелось продлить ему жизнь. Пусть подышит еще годков двадцать.

– Скажите, товарищ Пробкин, это вы написали басню, которую парторг снял с доски объявлений в штабе? – поинтересовался Терещенко. – И буквы в посвящении «П. С. Т.» относятся ко мне?

– Он, он. Его почерк! – сказал Кроткий.

– Ладно! – махнул рукой Терещенко. – Спасибо за критику, Пробкин, она движущая сила нашего общества. Так? Только, если смелый, подписываться надо. Верно? Перейдем к существу дела. Почему не сели на местном аэродроме? Кто дал право? Почему не запросили разрешения по радио на посадку у больницы?

– Сомневался в положительном ответе, а старикан умирал.

– Вас просил сесть поближе врач?

Семен внимательно посмотрел на него, на Кроткого, на Аракеляна.

– По Правилам это не имеет значения.

– А на колеса можно было присесть? – Вопрос Кроткого прозвучал как-то нерешительно, хотя и был произнесен сильным басом. – Может быть, тогда...

– Тогда бы самолет скапотировал², и от кабины остался блин!

---

² Скапотировать – О самолете: при посадке удариться капотом, носом в землю.

Дверь кабинета приоткрылась:

– Разрешите?

– Я занят! – крикнул Терещенко. – Ну и заварили кашу, Пробкин!

– Все делал, как учили.

– Кто учил? – насторожился Терещенко.

– Ну, например, министр гражданского флота. Недавно читал о его отношении к людям.

Впечатляет и достойно подражания.

Терещенко поморщился и пожевал нижнюю губу.

– Ишь ты! Грамотен, баснописец! – выражая поддельное изумление, негромко сказал он. – Идите!

В дверях Семен встретился с секретаршей командира отряда. Девушка, стуча каблуками по паркету, подошла к Аракеляну.

– Вам записка. Передал шофер санитарной машины.

– Спасибо.

Аракелян прочитал записку и положил ее перед Терещенко.

– Пишет начальник областной санитарной станции. Пилот садился по просьбе врача, и они ходатайствуют о поощрении.

– Мое дело, дорогой, служба. Их право благодарить. Дам указание занести благодарность в личное дело Пробкина и накажу его за нарушение Наставления по производству полетов.

– Прощать самовольства нельзя. Разведем анархию. Он мог запросить разрешение по радио...

– Правильно, Кроткий. И возможно, мы разрешили бы! – вставил Терещенко. – Ваше мнение, Сурен Карапетович, я не спрашиваю, оно, как в зеркале, отражается в ваших глазах, и я с ним решительно не согласен. У командира звена происшедшее не переварилось.

– Наоборот!

– Интересно! – живо повернулся Терещенко к Романовскому.

– Жизнь человека дороже погнутых винтов и царапин на железе.

– Это цитата из книги министра?. Хотите придавить меня авторитетом? Разве мы говорим о чьей-то жизни?

– А должны в первую очередь помнить об этом.

– Гибкая позиция! Вы слышите, Кроткий?.. А если бы Пробкин разбился при посадке?

– Чтобы этого не случилось, он и садился на «живот».

– Ведь тогда бы умер не только больной, а погиб и врач, и сам пилот! – продолжал Терещенко, не замечая реплики Романовского. – Вы, все здесь сидящие, ручаетесь, что в будущем такая посадка не приведет к катастрофе? Класс пилотов разный, а пример заразителен! Подумайте, разберитесь, и вы поймете, что Терещенко не дуб с чином, что он болеет за будущее своих пилотов не менее вас, добреньких!

– Давайте подумаем, – сказал Аракелян. – Пусть и пилоты подумают. А для этого вынесем вопрос на собрание.

– В управление сообщаю, а с приказом подожду, – сказал Терещенко. – Мнение коллектива всегда полезно послушать, однако замечу: делаю вам, Сурен Карапетович, большую уступку и надеюсь, вы не пустите собрание на самотек... Все, товарищи!.. Сурен Карапетович, минутку! Принесите-ка мне басню этого молодца, хочу сам оценить местные таланты. Подойду объективно, обещаю, хотя признаюсь честно: борзописак не люблю!

Аракелян, остановив Романовского у двери своего кабинета, попросил обождать и через полминуты вынес листок бумаги.

– Отнесите басню командиру.

– Почему я?

– Прочитайте и оцените, как журналист.

– Журналист я еще жидкий... Гм, в посвящении действительно «П. С. Т.» «Гусь лапчатый» – не очень оригинальное название...

*Он шею вытянет, шипит в начальственное ухо.
Не про себя он – про других, поглаживая брюхо.
Все гладко делает, тайком:
Подпоит льва, похвалит волчьих деток —
Глядь, по наряду, вечерком и с их стола ему обедок!
Иль крикнет зычно: «Мужики!
Работа – бой! За мной! Вперед!»
А сам, втихую, напрямки, клевать горох в соседний огород.
Мораль читать я не берусь,
А лишь скажу: «Вот это Гусь!!»*

– Надо ли, Сурен Карапетович, сим опусом злить командира в данной ситуации?
– Не знаю... Он просил, отнесите...

* * *

Семен ждал Марию у перрона. Ее самолет уже подрулил с посадочной полосы. Резко тормознув, Ил-14 развернулся бортом к пассажирской платформе. Подкатили ярко раскрашенный трап. Пассажиры осторожно спускались на землю. Кто как перенес полет, читалось по лицам. Помогая сойти старушке, вышла Мария. Она подняла голову, поискала глазами Семена, взмахнула рукой.

– Сема, привет! Возьми ящик с пустыми бутылками в фюзеляже, отнесем в буфет. И пальто прихвати! Авоська там еще с мандаринами. Куклу в целлофановой сумке не забудь!. Осторожнее, бабуся! Ножку, ножку на каблук...

Поднявшись по трапу, Семен вскоре вышел из самолета, нагруженный нехитрым хозяйством стюардессы. Не торопясь, они двинулись по аллее к аэровокзалу.

– Ну, как прокатилась?

– Ты знаешь, меня всегда злит этот дурацкий вопрос! Всем кажется, что бортпроводница путешествует в свое удовольствие. Этакая романтическая девица с орлиным перышком в душе! Мужичья эта работа, Сема! Встаю раньше пилотов, получаю контейнеры с едой, бутылки, ложки, вилки, стаканы и стаканчики. Ташу в большинстве случаев на своем горбу! Потом за рейс километров десять-пятнадцать ножками по салону: «Не скушаете ли конфеточку, месье? Вам лимонаду или содовой? Прошу позавтракать! Вот вам таблетка от головной боли, дорогая! Я вас просила пристегнуться ремнями, товарищ! И не курите, рядом с вами женщины и дети! Пересядьте, пожалуйста, вперед, там меньше болтает». А сколько мытья посуды? А дурацкие вопросы: «Вы замужем?», «Почему такие горькие конфеты?» Будто я их делаю! Или какой-нибудь ферг в фуражке блином за ногу пытается ущипнуть! По усам бы его смазать, а надо улыбаться. И вдруг сбоку ехидно-умирающее: «Улыбаетесь, а человеку плохо от качки. Что за сапожники самолет ведут?» Черт ее знает, какие нервы надо и ноги с мускулами футболиста, выносливость ишачиную!

– Кто за ножки хватать пытался?

– Ну вот, только это ты и услышал! А на стоянке перед обратным рейсом опять ишачинная работа, да еще смотри, как бы буфетчицы не надули! А вырвешься в город, так все рысью...

– Ладно, Машенька, в следующий рейс я пойду за тебя и повыброшу всех усатых в кепках. Мария рассмеялась и погладила его по щеке, потерлась плечом о плечо..

– Зря я разнылась. Хорошая у меня работа, Сема! Устойчивой доброты требует. Подустала я малость, пройдет...

Когда они подходили к аэровокзалу, путь преградил штурман из бакинского экипажа.

– Салют, Марго! – с небольшим акцентом поприветствовал он. – Вынужденная стоянка в вашем порту. Есть предложение организовать микроскопический сабантуйчик. Как?

– Отклоняется.

– Отказ во множественном числе? Понятно! – Штурман весело глянул на Семена. – Пусть и коллега осчастливит нас своим присутствием.

– Исключено. Другие планы.

Штурман похлопал по туго набитому портфелю:

– Клад! Последняя серия «Вокруг света»!

У Марии блеснули глаза. Знал смуглый красавец, чем искутить девушку. Уловив ее настроение, он приподнял портфель, как поднос.

– Здесь все для нарушения сухого закона! «Улыбка»! Старый «Мускат»! Проглотим по несколько капель, а?

– Поощрим? – повернулась Мария к Семену. – Он, знаешь, почему подлизывается – хаты приличной нет. Театр отложим до воскресенья?

– А билеты?

– Расходы за неиспользованные билеты беру на себя, – белозубо осклабился штурман. – Угу?

– Сема, угу?

– Как хочешь, – неохотно ответил он Марии.

– Через полчаса такси у парадного входа! – вытянулся по-военному штурман. – Гут бай!

Вскоре в город мчалась «Победа». Рядом с водителем, небрежно облокотившись на спинку, дымил сигаретой «Кент» рыжий малый с шевроном бортмеханика на рукаве. Сзади расположились штурман, Мария и Семен. Тут же устроилась худощавая блондинка. Семен признал в ней секретаршу командира отряда.

– Гони ко мне, – пропела Мария.

– Может, у меня, – неуверенно возразила секретарша.

– Твоя бабка не потерпит. Ко мне! Налево!

Шофер резко крутанул баранку и проскочил почти под красный сигнал светофора.

...Дом, в котором жила Мария, некогда принадлежал полностью аэропорту. Потом его передали горсовету. Сейчас аэрофлотовцы жили в немногих квартирах. Семен много раз бывал около дома, но к себе Мария его не приглашала. Сидели обычно на лавочке в сквере, скрытой от посторонних взоров густыми кустами акации. И он ценил скромность подруги.

Веселой гурьбой ввалились в подъезд. Мария открыла дверь, и все вошли в скромную и чисто прибранную комнатку. К ней примыкала небольшая кухня.

Семен с удивлением заметил, что штурман хорошо ориентируется в квартире. Он быстро нашел посуду, вытащил из тумбочки свежую скатерть, будто только вчера положил её туда. Выгрузив из портфеля бутылки и пластинки, завел радиолу и пригласил Марию танцевать.

Пять утра.

Мария свернулась калачиком на узкой кровати, подложила под голову ладонь и поглядывала на Семена. Он сидел рядом на стуле, жадно курил, стряхивая пепел на пол, и осматривался, усмехаясь только губами.

– Ты считаешь это нервной разрядкой, Маша, а мне кажется, будто мы искупались в дерьме.

– Давай, Сема, не стесняйся!

Тюлевая штора на окне сорвана. Стол завален пустыми бутылками и огрызками. Лихо прилепленный к потолку окуроч висел над радиолой, на диске – половина пластинки. В зеркале туалетного столика отражалась распахнутая настежь кухонная дверь и перевернутая табуретка с помятой фуражкой на ножке. Увидев фуражку, владельца которой он выкинул из квартиры во втором часу ночи, Семен потер ушибленный кулак.

Он много вытерпел на этой пирушке и многому удивился. Бывало, выпивал с ребятами. Не из святых. Знал и женщин, принимавших грубые шутки. Были скандалы. И все равно его поразила пирушка...

Пили стоя, как на дипломатических приемах. Закусывали бутербродами, которые называли «сэндвичи». Когда Мария по его просьбе принесла от соседки картошку в мундире, секретарша демонстративно вывалила ее в помойное ведро, обозвав Семена «скотом». Хотелось съязвить, но он промолчал и только стал зорче смотреть на облитые вином руки рыжего, все чаще тянувшиеся к Марусе.

В «час пик», когда хмель набрал полную силу, он перехватил руку рыжего. Немногие терпели рукопожатие Семена, в отряде один Кроткий мог ему противостоять, и он с усмешкой смотрел на гордо вскинутую кудлатую голову и жал до тех пор, пока не увидел бледнеющее лицо соперника и не услышал жалкую просьбу сквозь зубы:

– Отпусти, идиот!

«Рыжий-то ты рыжий, да не тот!» – удовлетворенно подумал Семен. Штурман заметил, что безмолвный поединок далеко не в пользу его товарища, и разрядил атмосферу, предложив танцевать. Семен наблюдал за парами и неожиданно захохотал. Ему вдруг вспомнился московский зверинец, клетка многочисленной семьи макак.

– Индивидуальный номер. Только раз в жизни! Пошире откроем очи – провозгласил штурман и поставил новую пластинку.

Зашипела игла. Вступил оркестр. На середину комнаты выпрыгнула Мария. Маленькая, стройная, с распущенными волосами, она взмахнула руками, как крыльями. Потом закружилась. Она кружилась, юбка поднялась, оголив ноги, и они, два пижона, как зачарованные, уставились в белый омут. Семен медведем поднялся со стула. Поднялся вовремя, потому что вздрагивающие плечи рьяного бортмеханика подались вперед, к Марии...

Вспомнив это, Семен снова потер ушибленную руку.

– Поднимаюсь, – сказала Мария. – Ты сможешь прибраться?

– Хорошо. А встанешь?

– Бабы, как кошки, их шмякнут с высоты, а они все равно – на ноги!

Прибрали комнату молча. До вечеринки Мария для него была только радостью в жизни, она подолгу могла слушать о новых машинах, признавать, что на земле нет приятнее запаха обыкновенного бензина, терпеливо слушать его плохие стихи. Она могла часами фантазировать, выдумывать сказки о его отце, которого он совсем не помнил... Полгода знал ее Семен, но такой, как сегодня ночью, увидел впервые. Это была другая Мария. Ну что ж...

Она будто читала его мысли. Провожая, сказала:

– Если можешь, поверь.

– Часто бывает здесь твой бакинец?

– Ты видел, что он не мой.

– А ты с кем?

– Я устала, и поэтому нет желания тебя ударить. Если любишь, прошлого между нами не должно быть.

– Понимаю, Маша. Дай фуражку бортмеханика. Поручив фуражку, Семен шагнул к двери.

– Пробкин, ты уходишь совсем?

– Да, Пробкин ушел! – сказал он и поднял руку, не то прощаясь, не то защищаясь от шагнувшей к нему девушки.

Сейчас бы забыться в полете, но это исключалось. До решения собрания и приказа командира отряда путь в небо закрыт.

Придя в аэровокзал, Семен по привычке остановился перед доской объявлений, пробежал глазами лист наряда. В самом конце было написано: «Ил-14. Саратов – Баку. 10.00 ч. Экипаж...»

Такой наглости от бакинцев Семен не ожидал. Лететь после пьянки? За подобные штучки без разговоров снимают в летной работы!

Немного подумав, он решительно направился в гостиницу, в номере бакинцев все спали. Заметив рыжую голову на подушке, Семен подошел и стянул с бортмеханика одеяло. Когда тот сел на кровати, вытаращив заспанные глаза, Семен нахлобучил на него фуражку.

– Чего надо? – взъярился механик.

– Вы сегодня собрались лететь?

– А тебе какое дело?

– Не советую. Попробуетесь – выкину с борта, как слепых котят.

– Капнул? Да? Уже доложил начальству? Тебе больше всех надо? Общественный инспектор, да? За девку? – растерянно тараторил механик.

– Прощаю грубость только потому, что ты с глубокого похмелья. Но предупреждаю: сунешься в самолет с пьяной рожей...

Наконец-то бортмеханик уразумел ситуацию.

– Ох! – глубоко вздохнул он. – Значит, ты по своей инициативе. Никому не говорил? Хоть и противна мне твоя, фотография вот за это, – он показал на синяк под глазом, – но ты, видно, ничего мужик. Не беспокойся, командир корабля отменил вылет... Иди, иди, дай соснуть минут триста!

Весь день Семен Пробкин работал в бригаде пилотов-«штрафников» – они насыпали курган для радиолокационной установки на границе аэродрома. А вечером, подходя к эскадрилье, он встретил радостно возбужденного Васю Туманова.

– Чего сияешь?

– Светка согласие дала! В среду пойдем заявление подавать!

– Мне кажется, у нее «вынужденная посадка»?

– Не говори так! Это нехорошо, Сема! Мы любим друг друга.

– Ну-ну... Только папаша Кроткий как узнает, что скоро дедом будет, не сдобровать тебе, Василек.

– Он ладно, вот матери я больше боюсь. А ты чего смурной? Неужели перед собранием дрожишь?

– У молодца, сошедшего с коня, спросили: «Отчего слезы у тебя на глазах?» Недругу он ответил громко: «От быстрой езды». А другу сказал тихо: «Горе у меня большое!...» Не моя присказка. Из монгольского фольклора.

– А как мне ответишь?

– В личном тоже не порядок, Василек.

– Плохо... А насчет собрания не дрейфь!

Их пригласили в комнату.

– Иду, но чую – зря, – флегматично сказал Семен.

Когда пилоты расселись по местам, Аракелян оглядел собравшихся и покачал головой: почти половина – отсутствовала. Полевая страда – трудное время и в авиации. Первым получил право говорить комсорг Илья Борщ.

– Товарищи! Все знают о проступке Пробкина, поэтому суть дела излагать не буду. Но происшедшее мы должны обсудить со всей принципиальностью и сделать соответствующие выводы для себя...

«Почему не пришел командир отряда? Ведь обещал», – думал Аракелян, очищая бумажкой перо самописки. Выступление Борща проходило мимо его сознания.

– Что мы имеем: проступок или пример, достойный подражания? Не уяснив этого, можем столкнуться в работе с подобным случаем и сделать не так, как подобает. Я много думал и только вчера составил мнение... Это было в полете. Я шел на радугу. Когда подлетал, спектр сверкал всеми цветами. Вот он рядом. Бери радугу руками, и ты богат! Я имею в виду – духовно богат, так сказать, эстетически. А что получилось? Прошел – на стеклах кабины осталась лишь водяная пыль...

В дальнем углу, не оценив ораторского искусства Борща, зашумели.

– Давай понятней и короче! – донеслось оттуда.

– Не гипнотизируй!

В комнату вошел Терещенко, и все затихли. Это командиру всегда нравилось, тешило самолюбие: демократия – демократией, а уважать должны! Он всегда чуть-чуть опаздывал на собрания и потом анализировал, какой эффект произвело его появление, не пошатнулся ли его авторитет? Он благосклонно кивнул пилоту, уступившему место рядом с Аракеляном.

– Я повторяю: от красивой радуги осталась одна мокрота! – повысил голос Борщ. – И поясню: сначала поступок Пробкина казался мне верхом человеческой добродетели, а вдумался – мираж, фарс, недисциплинированность!

– Зрело, толково разбирается в ситуации! – шепнул Терещенко Аракелянцу. – Растет парень, пора в командиры выдвигать.

– По заданию командования, – Борщ сделал паузу, – я участвовал в расследовании полонки. Врач сказал Пробкину: «До города больной не дотянет». А когда Пробкин спросил, сколько выдержит старик, врач ответил... Вот дословно, – Борщ вытащил из кармана блокнот: – «С кислородом минут сорок». А кислородная подушка была под боком, полнехонькая. Уяснили? Полная!.. От посадочной площадки до больницы я медленно прошел пешком, будто нес на руках человека, и дошел за пятнадцать минут. Понимаете?

– А почему бы тебе не взять на руки груз килограммов в семьдесят? Иль самого себя потащить! – спросили из дальнего угла.

– Мы не нашли ничего подходящего, кроме авиамеханика, но он отказался, – совершенно серьезно ответил Борщ. – Так вот, каждому теперь ясно: подумай пилот лучше, и он не только мог спасти больного, но и сохранить машину. Когда я спросил врача: могли бы они, сев на площадке, безболезненно донести старичка до больницы, он ответил: «Могли!»

– Он ответил: «На носилках, пожалуй, могли». И без восклицательного знака, – уточнил Романовский.

– Это не меняет картины. Носилки можно было притащить из больницы. Я считаю, что Пробкин поторопился, не совсем трезво оценил положение и вывел из строя новый самолет. Я предлагаю осудить пилота Пробкина, но, учитывая его человеческий душевный порыв и пользуясь присутствием здесь командования, просить не наказывать строго.

– Дайте я скажу! – вскочил Вася Туманов. – Неправильно это! Не согласен! Ты видел, как мучился больной? Нет! А Семен видел! Если бы это был твой отец, Борщ, ты бы тоже проводил такой тонкий расчет, который предложил Семену? Вряд ли, хоть ты и паук!

– Без оскорблений! – застучал карандашом Кроткий. – Вы забыли, где находитесь!

– Я не хотел обидеть, – сразу остыл Вася. – Я имел в виду, что паук никогда не запутывается в паутине, потому что бегаёт только по гладким нитям.

Кроткий посадил его нетерпеливым движением руки.

– Все ясно! Разрешите, товарищи, мне... Давайте нарисуем облик Пробкина... Дисциплинкой не блещет. Склонен к демагогии. Один из всех в эскадрилье не выписал газет и журналов. «Я читаю только „Мурзилку“!» – заявил мне. Свободное время проводит с девицами сомнительного поведения...

– Это не ваше дело, – спокойно возразил Пробкин.

– Наше и мое, как командира и воспитателя! За ваше моральное убожество мне шею мылят!

– Вот и хорошо: чистая всегда будет.

– Видите, товарищи, он и здесь рисуется! Безобразия! – Но, встретив укоризненный взгляд Аракеяна, Кроткий сбавил тон: – Пробкин забыл главное, чему жестоко учит жизнь: ухарство, риск в жизни гражданского пилота исключены, ибо нет риска собой – есть риск людьми, машиной...

– Это сквозит в каждой строке Наставления, – подсказал Терещенко.

– Не считая Пробкина, на борту было еще два человека. Пробкину случайно сошло, другой поломает шею. Вот в этом разрезе надо судить!

– Вы, Михаил Тарасович, говорите, «случайно»? – переспросил Романовский. – Случай помогает только людям с подготовленным умом.

– Не всегда! Известно, что у случая только один вихор, но даже дурак может успеть за него зацепиться! – отпарировал Кроткий и сел.

– Кто еще выскажется? – спросил Борщ. – Прошу активнее, товарищи!

Встал коренастый парень и, поглядывая исподлобья на Терещенко, сказал:

– Человек живой, и все в порядке. Зря шар надуваем! Машина поломана частично. Два дня работы – и ажур. Сами поможем штопать. Записываюсь в бригаду. Пробкин – классный пилот. Влепить ему замечание, и все в порядке!

– За что? – крикнули из угла.

– А как же? – растерялся коренастый. – Зачем же тогда собирались?

– Не имеем права объявлять взыскание, – объяснил Борщ.

– Если не имеем, тогда еще лучше. У меня все!

Дрогнули стекла от пролетавшего самолета. В дальнем углу зашушукались.

– Товарищи! Говорите, что чувствуете. – Аракеян комкал в руке сделанного из бумаги голубя. – Вот вы там, в углу, оппозиция, чего молчите? Вы опять что-то хотите сказать, Туманов?

– Предлагаю считать поведение Пробкина в исключительной ситуации правильным. И вообще, – Вася махнул рукой, – я бы тоже так сделал!

– Вот и досовещались... – негромко, но так, чтобы все слышали, проговорил Терещенко.

– Что прикажете понимать под словом «поведение»? – иронически спросил Борщ.

– Его решение на посадку!

– Такая трактовка вредна! Кто еще выступит?

Желающих не оказалось. Романовский переглянулся с Аракеяном. Разговора, на который они так надеялись, не получилось.

– Тогда, может быть, скажет Пробкин? Где ты там? – Борщ сделал вид, будто ищет, шаря глазами по рядам. – Вставай, Семен. Наверно, уже обдумал свой проступок?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.